

Рейтинг

Беседовали Алексей Муратов и Анатолий Белов

СЕРГЕЙ СКУРАТОВ: «ГЛАВНОЕ В АРХИТЕКТУРЕ — ФИГУРА ТВОРЦА»

Пожалуй, нет в России другого такого архитектора, как Сергей Скуратов, кто был бы одинаково уважаем коллегами по цеху и широкой публикой, имел бы статус и культового автора, и живого классика. Его победа в публичном противостоянии с Юрием Лужковым, который настаивал на сокращении этажности башни на Мосфильмовской, в 2010 году стала поворотной точкой в истории отечественной архитектуры и ознаменовала собой окончание ее постсоветского этапа. В своем интервью Алексею Муратову и Анатолию Белову лучший архитектор Москвы XXI века по версии «Эксперт.Урбан» делится своими размышлениями о пройденном пути.

«Эксперт.Урбан»: Знаменитый градостроитель Илья Лежава, перефразируя Гёте, говорил, что архитектура — это застывшая экономика. Что для вас архитектура прежде всего?

Сергей Скуратов: Не все решают деньги. Ситуация в культуре, политический климат, наличие честной конкуренции, свободной критики тоже важные факторы. Для меня архитектура не просто род занятий, но буквально часть меня. Это предмет моего постоянного интереса.

Э. У.: Кого вы считаете своим учителем?

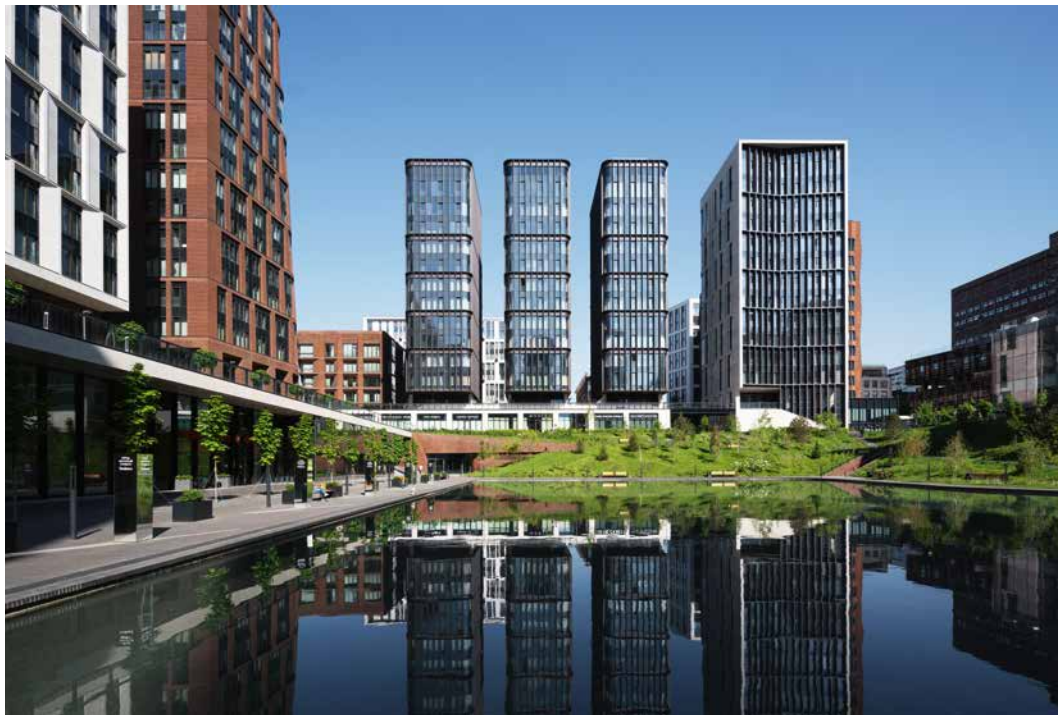
С. С.: Это Александр Ларин. Мы с ним вместе проработали более девяти лет. Настоящий архитектор, бескомпромиссный. Прекрасный рисовальщик, тонкий философ, мастер пространства и большой фантазер.

Э. У.: Важна ли преемственность в архитектуре? Стараетесь ли вы передать кому-то свое мастерство?

С. С.: Стараюсь. Через совместную работу.

Э. У.: Сколько примерно человек за 25 лет прошло через ваше бюро?

Жилой комплекс «Садовые Кварталы»,
Москва, ул. Усачева. Архитекторы: Сергей Скуратов,
Александр Панёв и др., 2018 г.

С. С.: Около сотни.

Э. У.: Любая постройка — продукт компромисса. Сколько в ваших постройках непосредственно Сергея Скуратова, сколько — бюро, сколько — заказчика, госорганов?

С. С.: Последних я бы вовсе не учитывал, потому что это, в общем, такая погрешность. Вначале, наверное, 100% меня было. Года до 2010-го. Были такие жилые комплексы, как Barkli Plaza, «АртХаус», «Эгодом» — здесь очень много от Никиты Демидова. Можно вспомнить и небоскреб на Мосфильмовской, на архитектуру которого заметно повлиял Иван Ильин. Это же касается и Capital Towers, кстати. Но моего все равно всегда больше 51%.

Э. У.: А как же роль заказчика?

С. С.: Они формируют техническое задание, но редко задают настрой. Их интересует в основном функционал. Что касается образной части, то они мне здесь полностью доверяют. Вмешательство в форму, в пространство, конечно, происходит, но разве что в последние годы, и это даже не заказчик вмешивается, а власть.

Э. У.: Назовите одну постройку, которую можно считать квинтэссенцией скуратовского метода, стиля?

Если бы не появление чужеродной абсолютно школы в «Садовых кварталах», то я бы первым делом назвал этот объект. Это целый градостроительный роман. Там есть все. Идея, композиция — и все авторское. Любимые мной материалы — кирпич, стекло. Участие уважаемых мной партнеров-архитекторов.

Рельеф, организованное внутриквартальное пространство. Еще мне очень близки «АртХаус», «Эгодом».

Э. У.: У вас есть сформулированное творческое кредо?

С. С.: Оно в естественности и независимости творческих проявлений, в органическом взаимодействии с местом и со временем.

Э. У.: Органическом?

С. С.: Дом надо «выращивать» из контекста. Важно каждый раз находить баланс между формой, материалом и композицией. Слышать место, осознать его готовность принять что-то новое — искусство. Иногда место подсказывает, что любое новое строительство будет лишним. И такое бывает.

Э. У.: За какой проект вы бы точно не взялись? Или истинный профессионал берется за всё?

С. С.: Обычно отказываюсь от проектов частного жилья, чтобы не принимать на себя роль семейного доктора. Это не всегда интересно и не всегда возможно. Были попытки, и это часто тяжело, потому что самая распространенная ситуация — когда есть скрытый конфликт между супругами.

Э. У.: Есть постройки, которые вы относите к числу своих творческих неудач?

С. С.: У меня только один такой объект. Причина неудачи в том, что его реализация происходила без моего

— «Для меня архитектура не просто род занятий, но буквально часть меня. Это предмет моего постоянного интереса» —

участия. Это «Резиденция композиторов» на Павелецкой набережной.

Мой проект предусматривал сохранение фабрики Шлихтермана, ее реконструкцию. Но та в конечном итоге была снесена и воссоздана из новых материалов, достаточно грубо. Я там не делал «рабочку», не вел авторский надзор. В целом получилось похоже на меня, конечно. Что называется — по мотивам.

Э. У.: А как же Софийская набережная, где вам, по сути, навязали другое фасадное решение?

С. С.: Это другое. Правила игры были известны заранее. Сказали: нужны фасады в историзме. Было бы очень обидно выиграть международный конкурс и не реализовать такой проект. Я позвал на фасады Илью Уткина, замечательного «бумажного архитектора», мастера неоклассики. Мне показалось, что его опыт, вкус и стиль можно соединить с моим видением, и интуиция меня не подвела. Все планировочные, композиционные, пространственные решения остались мои. Толь-

Жилой комплекс
EgoDom, Москва,
ул. Новоалексеевская.
Архитекторы:
Сергей Скуратов,
Никита Демидов и др.,
2017 г.

ко фасады поменялись. Считаю, мы сработали очень слаженно и профессионально.

Э. У.: Москва растет вверх. Вы приветствуете этот тренд?

С. С.: Я не противник высотного строительства, но и не его апологет. То, как это сейчас в Москве происходит, мне не очень нравится. Все столичные новостройки — будто однайцовые близнецы. Они жутко похожи друг на друга. Город пытается всюду «втыкать» Бильбао, но на выходе получается Дубай. Мне кажется, стоит быть скромнее и не гнаться за вау-эффектом сломя голову. Но главное даже не это. На город перестали смотреть как на единый организм. Происходит просто механическое заполнение свободных участков. Продаются шматы земли, рисуются некие скульптурные формы, на мой взгляд, сомнительного вкуса, и все.

Э. У.: К чему, по-вашему, все идет?

С. С.: Считаю происходящее следствием какой-то неизвестной болезни типа лихорадки. Скоро пройдет.

Э. У.: Что из построенного в Москве за последние 25 лет имеет шансы дожить до XXII века? Лично вы свои здания проектировали на века?

С. С.: Никогда не задумывался о сроке жизни своих построек. Всякое может случиться. Мы сейчас наблюдаем, как сносятся ценнейшие здания, которым немногим более полувека. Не знаю, кто в будущем будет принимать решение по сохранению моих домов. Уверен лишь в том, что это общество будущего будет жить по другим законам, исповедовать другие ценности, по-другому понимать красоту, гармонию.

Если какие-то из моих построек доживут до XXII века — это будет большая удача.

Э. У.: Авангардист Николай Ладовский говорил, что не камень, а пространство — материал архитектуры. А вы предпочитаете какой материал?

С. С.: Всецело согласен с Ладовским. Никакой материал, даже самый дорогой и качественный, не спасет, если не создано пространство. Воздух и свет — вот главный инструмент архитектора.

Э. У.: Какими качествами должен обладать архитектор?

С. С.: Эмоциональный интеллект, коммуникабельность. Важно также уметь держать удар. Желательно обладать навыками рисования, пространственного мышления. На читанность и насмотренность тоже имеют значение.

Жилой комплекс «Дом на Мосфильмовской», Москва, ул. Мосфильмовская. Архитекторы: Сергей Скуратов, Иван Ильин и др., 2012 г.

Э. У.: Говорят, лучшим годом в истории кино был 1999-й. А в истории архитектуры какой период, по-вашему?

С. С.: Первое десятилетие XXI века.

Э. У.: И в России, и в Москве, и в мире?

С. С.: Да. Новый век принес с собой новые надежды. Кроме того, нулевые были невероятно благополучным временем.

Э. У.: Назовите пару-тройку зданий, которые, с вашей точки зрения, олицетворяют эти новые надежды нового века?

С. С.: Здания не назову, но назову архитекторов: Herzog & de Meuron, OMA, SANAA.

Э. У.: Снова заговорили о значении стиля в архитектуре, по поручению президента РФ учредили Совет по формированию нового российского стиля при национальном центре «Россия». Для вас вопросы стиля вообще актуальны?

С. С.: Убежден, что стиль не важен. Органичность, естественность, функциональность — вот, что важно. Визуальная привлекательность, пожалуй, тоже играет какую-то роль. Сегодня можно говорить об индивидуальной манере нескольких выдающихся зодчих, которая отличает их работы от всех прочих. Но на этом всё.

Э. У.: Архитектура будущего — какая она в ваших мечтах?

С. С.: Боюсь расстроить, но я не думаю об архитектуре будущего в категориях формы.

Э. У.: Ваша архитектура каким-то образом эволюционирует? Архитектор Скуратов в 2026 году чем-то отличается от архитектора Скуратова в 2000 году?

С. С.: Ровно как молодой человек отличается от пожилого. Раньше я стремился все контролировать — до мелочей, до гвоздя. Сейчас же для меня гораздо важнее целостность композиции, уместность. Я многое готов делегировать, совершенно спокойно к этому отношусь.

Э. У.: Власть в нашей стране с момента распада СССР почти не интересовалась архитектурой. С чем вы это связываете? Считаете ли вы это проблемой или, напротив, благом?

С. С.: Лично для меня это было благом. Никто никогда не вторгался в мою «кухню».

Э. У.: Что для вас главное в архитектуре?

С. С.: Архитектура для меня прежде всего искусство, о чем в последние годы подзабыли. Поэтому главное в ней — фигура творца.

Жилой комплекс АртХаус, Москва, Тессинский пер. Архитекторы: Сергей Скуратов, Никита Демидов и др., 2012 г.

— **«Я уверен, что общество будущего будет жить по другим законам, исповедовать другие ценности, по-другому понимать красоту, гармонию. Если какие-то из моих построек доживут до XXII века — это будет большая удача»** —